

Игръ, прошу вас быть спикером на обсуждении этого автора 22 декабря в 20 часов по зума



отправил(-а) Сегодня в 00:54

<http://www.uniqueview.ru/poesia/yuliya-malygina-stixi/?fbclid=IwAR1-M5voAuL8LRmKs4nGhzSut35Ax1iGgT7RKJMFSfVKYHhPUJ9mgxD9m6g>

Юлия Малыгина — стихи



Ю. М. :

Из ценных биографических качеств действительно творческой биографии – работа с эстетической категорией ужасного. Недавно, готовя биографию для публикации на английском языке, узнала, что это переводится так – I am working with the aesthetic concept of «horrible». Любопытно будет увидеть, какие кавычки поставят редакторы – изменят или нет.

Так и мир иногда подстраивают под восприятие – но как услышать его во всей полноте? Без глянцевых форм, без музейного блеска, без формулярных оков, без

ухмылки «нам-то тут всё понятно». Полнота переживания включает ужас и страх, ужас и страх, ужас и страх.

Мне 33 года и стандартные биографические сведения считаю излишним довеском, который стоит публиковать в другом возрасте.

ИЗ КНИГИ «ДЕРЕВНЯ ГОРДАНОВО, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ»

* * *

Умерла муториха

ихваниха

немая

рябая —

умерли, умерли, умерли.

Крест кочевал-кочевал по деревне —
остался в последнем доме.

Ладно-хорошо —
дальше пошли.

За сенокос лаялись

косая

кривая

пожилая

солдатова жена

—

умерли, умерли, умерли.

Травы выросли-выросли
да погнили,
да под палом погибли.

Ладно-хорошо —
дальше пошли.

Ходили напрямки

ихваниха

кривая

немая

солдатова жена.

Ходили через мост

круглый нос

муториха

косая

пожилая.

Рябая дома сиднем сидела —
да все

умерли, умерли, умерли.

На столбиках думали-думали,
что написать,
да не придумали.

Не барыни, чай —
так к Господу пойдут.

Ладно-хорошо —
дальше пошли.

* * *

а-а

яблочко румяное тянется за ниточкой

яблочко по колее —
ниточка в руке,
свет зажётся в доме раз,
а потом сбежал —

раз — железо, два — железка, время — электричество

— яблочко, ты хочешь есть?

что же есть — невесть,
куры, куры на насесте,
да пропал насест.

грянет 220 вольт, пыль над головой

свет горит, петух кричит,
в поле — ветер чист.
в поле ветер-ветерок,
над окном — дымок.

эх-ма, да — нема, яблоко с тобой

ниточка единая —
за последним яблоком,
по дороге иней лёг,
кажется, что пряники.

пропадёшь, да пропадай — некому держать

свет бежит по комнатам
ниточка — за яблочком
стукни-стукни каблучком,
да легла ничком.

поле-поле забери, дождик-дождь оплачь

цирли-цирли, все молчат,
некому сказать —
было сорок унучат
сорок лет назад,
нонче никаво здесь нет —
лес одервенел.

а-ай

ниточка болтается
на последнем яблоке
вдоль дороги иней лёг
видится, что пряники.

ИЗ КНИГИ «ДЕТЕКТИВНЫЕ ПОДСЛУШКИ»

И будет день без птиц перемещаться
по этим кубикам,
по лопнувшему шву —
и, с каждым шагом глубже погружаясь,
я всё большее от неё иду.
Мой милый волк из снежной королевы,
вот-вот — и через лёд перенесу,
репейник припадает на колено,
но я спасу тебя, мой пленник. Я спасу.

Сухой репейник мечется по кругу,
пустые зайцы убывают в бисневе –
из подо льда под ноги стуки, стуки
о этой чистой невозможной синеве.
Куда несёшь меня, лисичка золотая?
Какие песенки кладёшь в мой вещмешок?
Туда, где снег полуденный не тает.
Туда, где все мы пребываем нагишом.
Туда, где снег пропаренный и маркий.
Туда, где мне однажды хорошо.

Кажучки звёздами цепляются к подолу.
Ну как оно, несчастное нести?
И руки заняты, и бросить вроде негде –
цветы и замки – всё легло под снег
на этой чистой невозможной синеве.

А волк вдруг обвивается у шеи
и шепчет: «милая, убийца был шофёр,
за этим я с тобой шёл.»

– Бандиты – тоже люди, дорогая,
ну что же мы не люди – дорогая?
Возьмём тебя на стрелку, чтоб рамсила,
чтоб говорила все свои «понеже» –
от хохота умрут, поди, ребята

и скажут: «ну кого вы привезли?»
Давай своё про Гитлера, про войны,
про как там – гуманизм – ну чё зажалась?
Да ладно, мы не тронем, ты чего,
и винегрет свой заправляй, мечи на стол.

А я стою на погребке с картошкой
и рыбным фаршем – дешево достался
и думаю: «вот только бы не в погреб».
А винегрет – ну ладно, что тут сделать.
А за окном орут на вишне соловьи,

и только бы соседи не вернулись –
мы сняли огромную квартиру,
мы все – студенты, нас двенадцать человек,
но все – студенты, эти – местная шпана.

Не помню, как оно всё замутилось,
как я проснулась, как хрипела кодла,
как я смогла в неё залезть и разделить
на части и за мной закрылась дверь.
Я оказалась в силлом коридоре:
один орал от крови на лице –
ему почти отрезали ноздрю
и кровь лилась на грязные перила,
он смахивал её и взглядом сизым
ощупывал пространство и рычал.
И воздух вис. И речь не появлялась.

И я была на этой стороне.

Как бьётся дверь! Умелые удары
раскачивают дверь, а там – двенадцать
и кто-то уже прыгает в окно,
да точно, там танцор и он боится

и он летит в окно, страшнее травмы
та кодла – бьётся дверь – твои удары
страшнее, чем пришествие ... – о чём ты –
так бьётся дверь, как будто кровь в аорте
и хлещет ярость – благородные удары –
и помощь ниоткуда не придёт.

О чём я думала, когда к двери вставала?
Всё время, что по двери колотили
я ритм считала, чтобы встать к двери –
ведь там двенадцать, я случайно здесь осталась
и значит я должна, ведь кто-то должен!
Я встала, чтобы всё остановить –
безумная, понеже, тоже люди
про гуманизм, про зло, твои удары –

щелчок.

ИЗ ЦИКЛА «И ВОТ УЖЕ СЛОВА КАКОЙ-ТО РЕЧИ»

давай вы казаки а мы разбойники
и солнышко выламывает донце
и мы глядим сквозь синее стекло
нет нелюбимой вазы на серванте!
и руки мой в самдельном рукомойнике
и вера сколько можно всё плюётся
и в темечко ли что ли напекло
и кем ты хочешь быть аэроавтом
а это кто не дети ли опять?
и мы не дети нет уже не мы
и не от сока на коленях пятна
и в рюкзаке не здравствуй математика
и что там в баре снова дребезжит
и ну и сука сколько можно всё скулит
и сколько можно думать непонятно
и вера над контентом занимательным
тупит и плачет плачет и тупит
а у тебя под Харьковом погода
и у меня в Москве вполне она
и мы не виделись больше двадцати лет, я уехала на учёбу и твоя бабушка
умерла, мне постоянно снится как мы летаем над нашими домами.
Ты искала меня и нашла, прислала электронное письмо со своими фотографиями и
попросила рассказать тебе про всё.
Я и рассказала.
Ты больше никогда не ответила мне, мой ящик взломали и вычистили от твоих
фотографий и писем. Как будто тебя у меня никогда не было, как будто никогда
не цвели между нами пионы.
Нарезала Жене лимоны и всё про себя говорила –
уехал к Насте.
Нарезала Евгению карбонад и всё про себя говорила –
больше не приехал.
Кормила Виталика котлетками, рассказывала про Евгения –
ушёл.
Варила Дмитрию борщ, молчала как могла,
но не получилось, ничего не получилось.
Жарила мясо Денису, иногда прорывалось,
но я сдерживалась,
он взял сковороду и выкинул всё в мусорку
а потом приготовил мне завтрак
и мы уже не расставались

Вот так незатейливо, но изобретательно, как в моих тетрадочках, я многих не
досчиталась, когда ты уехала к себе в Харьков. Но ты оставила мне много
бумажных кукол, фигурки которых издали напоминают ключ, их одежды изысканны,

но бумажны, их голоса существуют только в нашем голосе, их истории — это наши истории, которые творятся пока мы говорим.

.....

передержала мясо

Ну что ты, напиши каштан:
как он растёт в Перовском парке,
как больно падает к асфальту,
где никогда не прорастёт;
как стрёмной музычкой встревожен,
как пылью обметён, которую не смыть
ни ливнем, ни дождём, ни ливнем —
и вот уже недели две дожди;
как утро обезьяньей хваткой скукоживает лист каштана,
как больше не удобрить почву пятипальными листьями,
как застит свет,
как дышит дошираком дворник, стребая листья,
как воздух продырявлен едким дымом,
как всё горит,
как подступают росы перед утром,
а утро — обезьяньей хваткой —
и вот уже недели две дожди,
и ливни, бесконечно — ливни,
и пылью обметён,
и — ливни,
и стрёмной музычки росток —

гремит посуда, поезда, прожектор —
всё внутри тебя гремит,
пока ты тоже дышишь дошираком
на холст, но не касаешься листвы —
ты брезгаешь листвой.
Каштан цветами освещает темень.
Как лист горит неопалющим огнём.
Всё продолжается каштан.
И на меня не смотрит.

... спросите Графову Марию Николаевну ...
... приходите на Большой ...
А дальше я не запомнила
... дайте ещё сигареты, четыре пачки ...
Уже не смотрит, не спрашивает —
я сама не смотрела на цены
молока и кофе.
... самый простой, самый простой ...
Но в большой банке.
Смешной рюкзачок из коллекции маде чайна
самый простой
образца неизвестного года —
в этой Москве остаётся место для счастья —
вроде все и покинули, все и оставили,
а она подошла.
В грязном платке, брошенном на седые косы,
взяла сигарет полблока.
Рваные рюши на платье.
Пахнет мочой.
А мне так и надо, дала бы наличных
двести рублей, а теперь две тысячи с карты.
... я пианистка ... судьба так сложилась ...
И это — молитва:

она закликает меня на молоко и кофе,
угольный взгляд её чертит в Магните —

Господи, если это твой знак, то о чём же,
если не твой, Господи, то зачем же?

Это не знак, дорогая, а жизнь —
всё течёт в подворотне,
хватает людей что песок и уносит, уносит.
Рваный рюкзак у неё на плече
и оттуда не надо
даже и знать, что вытащить можно,
вытащить можно.

А. Чуть не забыла.
Спасибо она не сказала,
Она смяла чек и протянула
возьмите.

ПРОСТО СТИХОТВОРЕНИЕ

здесь никогда не поздно начинать
и речку квёлую у берега качать
идёшь на воду и она тебя качает

крапива жётся костерок горит
палатка ты кольцо мне сотвори
кольцо из бисера намытого песчаного

пойдём купаться пальцы так блестят
ты говори со мною просто так
а мьши шушарят и речь нечаянна

и сорван хлеб с тишайшего огня